

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

И.Ф. Бублик, канд. филол. наук (Харьков)

В статье на материале стенографических отчетов пленарных заседаний бундестага ФРГ исследуются механизмы формирования агрессивной политической метафоры с целью установления ее наиболее продуктивных моделей. Уточняются причины эффективности использования метафорических смыслов для разрушения имиджа политического оппонента. Основное внимание уделяется анализу языковых средств реализации моделей агрессивной метафоры.

Ключевые слова: вербальная агрессия, политическая метафора, политический дискурс.

І.Ф. Бублик. Метафоричні моделі реалізації вербальної агресії у німецькомовному політичному дискурсі. У статті на матеріалі стенографічних звітів пленарних засідань бундестагу ФРН досліджуються механізми формування агресивної політичної метафори з метою встановлення її найбільш продуктивних моделей. Уточнюються причини ефективності використання метафоричних смислів для руйнування іміджу політичного опонента. Основна увага приділяється аналізу мовних засобів реалізації моделей агресивної метафори.

Ключові слова: вербальна агресія, політична метафора, політичний дискурс.

I.F. Bublyk. Metaphorical models of verbal aggression realization in German political discourse.

The article deals with the mechanisms of aggressive political metaphor formation to determine its most productive models on the material of stenographic reports from the plenary sessions of Bundestag of Federal Republic of Germany. The reasons of the effectiveness of usage of metaphorical sense to destroy the political opponent image are described. The main attention is paid to the analyses of language means of aggressive metaphor models realization.

Key words: verbal aggression, political metaphor, political discourse.

Метафора – традиционная область лингвистических исследований, однако как средство реализации вербальной агрессии в политическом дискурсе она изучена недостаточно [3; 4; 9]. При этом имплицитные метафорические смыслы довольно часто используются в политических баталиях, что обуславливает актуальность лингвистических исследований в данном направлении. Объектом изучения данной статьи является функционирование метафоры в политическом дискурсе ФРГ. В качестве предмета исследования выступают модели агрессивной политической метафоры. Целью статьи является изучение механизма формирования основных моделей агрессивной политической метафоры и их языкового воплощения на

материале стенографических отчетов пленарных заседаний бундестага ФРГ.

Как известно, метафора – это употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого класса объектов или индивидов, сходного с данным. В построении метафоры участвуют четыре компонента, лишь частично эксплицированные в ее поверхностной структуре: два объекта (денотата) – основной и вспомогательный субъекты метафоры – и некоторые свойства каждого из них [7, с. 233]. Взаимодействие с двумя различными классами денотатов создает основной признак метафоры – ее семантическую двойственность. При этом свойства

одного класса объектов отбираются по их совместимости с другим классом и сравниваются. В разных типах метафоры эксплицированы разные элементы ее внутренней структуры. Так, в предикатной метафоре класс вспомогательного субъекта не обозначен: его имплицитно признаковое слово. Когда говорят “Человек растаял в ночи”, то вспомогательный субъект метафоры (снег, лед) выводится из значения глагола “таять”. Напротив, в субстантивной метафоре обозначен термин сравнения (вспомогательный субъект), а его признаки, служащие основой метафорического значения, остаются неэксплицированными. Так, например, если о женщине говорят, что она “серая мышка”, то подразумевают такое качество, как неприметность [2, с. 367]. В первом случае суть метафоры состоит в переосмыслении признака, а во втором, скорее, в отборе признаков, присущих вспомогательному субъекту и совместимых с природой денотата, определяемого метафорическим предикатом.

Очень часто в основе образных метафор лежит аллюзия, которая, в свою очередь, может отсылать слушающего как к его лингвистическим, так и экстралингвистическим знаниям. Поэтому для понимания метафоры столь же необходим словарь, как и энциклопедия [там же, с. 346]. Так, номинация “*Wanderer zwischen zwei Welten*” (странник между двумя мирами), высказанная Ф.Й. Штраусом в адрес Г. Венера, партнера по коалиции и соперника, была не просто литературной параллелью к одноименному произведению Вальтера Флекса, а намекала на коммунистическое прошлое Г. Венера и на его последующие контакты с Востоком [8].

То, что политическому дискурсу, в целом, присуща метафоричность, подтверждают, в частности, работы А.Н. Баранова [4]. Метафоричность мышления в политике автор считает инструментом осмысления кризисной ситуации, разрешение которой требует от когнитивной системы человека значительных усилий по усвоению новых знаний. При этом использование метафор является дополнительной возможностью “расшатывания стандартных рамок осмысления действительности, фиксированных в структурах знаний, которые могут уже не отвечать новым реалиям” [3, с. 93].

Следует подчеркнуть, что метафора не только сокращает мыслительные затраты на восприятие нового объекта действительности, проецируя в когнитивную область цели не все, а только некоторые из свойств источника. Именно это высвечивание отдельных, выгодных автору метафоры свойств предметов и явлений действительности, позволяет манипулировать общественным сознанием, так как способно направлять мысли и эмоции слушающего в нужное русло. При этом остальные признаки источника метафорического смысла затушевываются. Так, например, метафора *Asylantenflut* (наплыв беженцев) [9, с. 371] сравнивает многочисленность эмигрантов с такой природной катастрофой, как наводнение (одно из значений компонента *Flut*: *eine größere strömende Wassermasse*) и акцентирует неконтролируемость данного процесса (дополнительное значение словосочетания *eine Flut von etw.: plötzlich auftretende unerwartete große Menge von etw.*), подогревая страх перед угрозой наводнения страны иностранцами. При этом в “мертвой зоне” метафоры остаются и причины эмиграции, и то, что эмигранты – люди, а не аморфная и опасная природная масса.

Чем сложнее когнитивная структура источника и цели метафоры, тем неоднозначнее выводы, которые из нее следуют. Так, образ “уборки осколков разбитого предмета” в высказывании: *Grüne Politiker verkünden sicherheitspolitischen Unsinn in aller Welt, und der rote Verteidigungsminister muss die grünen Scherben wegräumen*. (“Зеленые” политики провозглашают на весь мир ерунду в связи с политикой безопасности, а “красный” министр обороны должен эти “зеленые” осколки убирать) (2, с. 737), с одной стороны, ассоциируется с неприятным чувством неловкости, которое возникает у человека, разбивающего что-либо, с чувством сожаления о материальном ущербе и затратах времени и сил на наведение порядка, а с другой стороны, вызывает предположение о том, что, возможно, разбитый предмет как раз и было препятствием на пути продвижения вперед.

В теории метафоры принято различать конвенциональные, или “стертые”, метафоры и креатив-

ные, творческие, или “живые”, метафоры [1; 4; 5; 8]. Стертые метафоры являются элементами лексико-семантической системы языка и фиксируются в толковых словарях как переносные значения, например, “тормоз” – часть механизма/машины и “тормоз” – препятствие. В политическом дискурсе, например, таковыми являются метафоры *Makulatur* (1, с. 21577): *Makulatur reden* (ugs. *abwertend*) – *Unsinn reden*; *Worthülse* (1, с. 1964): (*abwertend*) *seines Inhalts, des eigentlichen Sinngehalts entleertes Wort* как номинации текста выступления оппонента. Стертой метафорой является также выражение “штопать дыры бюджета”, например:

Die Postkunden dürfen nicht die Leidtragenden werden, wenn Waigel seine Haushaltslöcher stopfen will. – (Клиенты почты не должны пострадать, если Вайгель соберется заштопать дыры бюджета.) (1, с. 21462)

Очевидно, что новые, креативные, живые, инновативные [8, с. 67] метафоры, как результат творческой речемыслительной деятельности говорящего, оказывают больший воздействующий эффект, чем “стертые”, поскольку привлекают внимание слушающего и обостряют его восприятие неожиданностью возникающих ассоциаций. Приведем несколько примеров креативных метафор:

Meine Damen und Herren, einige Häuptlinge des SPD-Parteigremiums bewachen nach wie vor die Blockade; doch die Indianer laufen Ihnen inzwischen weg. – (Дамы и господа, некоторые вожди партийного племени СДПГ как и раньше стоят на страже блокады (реформ); только вот индейцы тем временем от них убегают.) (1, с. 20744)

Данное агрессивное метафоричное высказывание дисквалифицирует руководство СДПГ, представленное в образе индейских вождей, потерявших влияние на своих соплеменников. При этом агрессивность номинации *Häuptlinge des SPD-Parteigremiums* формируется на основе высвечивания данной метафорой такого отрицательного признака понятия “вождь племени” как “низкий уровень цивилизованности”.

В другом случае действия руководства земли Нижняя Саксония дискредитируются с помощью метафоры *große Sprünge eines Känguruhs mit leerem Beutel*, чья пустая сумка олицетворяет критическое финансовое положение:

Herr Ministerpräsident, Ihr Land hat ein schönes Staatswappen – im Mittelpunkt das Niedersachsenross. Wenn Ihre Landesregierung so weiterwirtschaftet, wie es die “Süddeutsche Zeitung” am Montag dieser Woche beschrieben hat, dann werden Sie Ihr Staatswappen ändern müssen. Dann ersetzen Sie das Ross durch ein Känguruh. Wappenspruch: Große Sprünge mit leerem Beutel. – (Господин премьер-министр, Ваша федеральная земля имеет красивый герб – с нижнесаксонским конем в центре. Если Ваше федеральное правительство и дальше будет хозяйствовать так, как это описала в понедельник на этой неделе газета “Зюддойче цайтунг”, то Вам придется изменить свой государственный герб. Придется заменить коня на кенгуру. Девиз герба: Большие прыжки с пустой сумкой.) (1, с. 19646)

Следует сказать, что онтогенетически и за стертыми, и за творческими метафорами стоят когнитивные модели. Однако, если для живых метафор модель всегда актуализована, то есть участник коммуникации анализирует источник метафорического смысла, чтобы определить, какие его признаки актуальны для образования данной метафоры, то для конвенциональных метафор – далеко не всегда. В то же время стертые метафоры мотивированы культурно обусловленными представлениями о действительности. В этом случае так называемые мертвые метафоры отнюдь не мертвы: они активно используются человеком в осмыслении проблемных ситуаций. По-видимому, различие между “стертыми” и “творческими” метафорами лежит все-таки не в плоскости “живой vs. мертвый”, а в плоскости “осознанный vs. неосознанный” [4, с. xiii].

В политическом дискурсе стертые метафоры могут “оживать”. Когнитивный механизм “оживления” стертой метафоры заключается в разви-

тии метафорической модели, то есть в расширении понятийной области, стоящей за метафорой. На языковом уровне данный процесс осуществляется различными способами, например, за счет эксплицитного указания в тексте следствий из метафоры. Так, в высказывании *Sie bestreiten den Menschen das lebensnotwendige Existenzminimum, um diese Gelder in den schwarzen Löchern des Haushalts verschwinden zu lassen.* – (Вы отказываете людям в необходимом для существования минимуме, чтобы дать этим деньгам исчезнуть в черных дырах бюджета) (1, с. 19879) метафора *Löcher des Haushalts* (дыры в бюджете) расширена определением *schwarz*. Это вызывает не только ассоциацию с дырявым мешком, но и ассоциации из области астрономии, где термином “черная дыра” обозначаются радиозвезды, поглощающие световые волны, а потому невидимые и опасные.

Мы солидарны с авторами “Словаря русских политических метафор” в том, что описание политической метафоры должно в равной мере учитывать как живую, так и стертую метафору, тем более что относительно последней исследователи не всегда в состоянии определить, когда она может ожить и воплотиться в живую когнитивную модель, влияющую на процесс принятия политических решений (4, с. xiii).

Следует указать на то, что метафора в настоящем исследовании интерпретируется расширительно, то есть предполагает определение метафоры как любого вида использования слов в переносном значении [7, с. 233], что связано с общностью функций метафорических конструкций в политическом дискурсе [4, с. VI]. Поэтому нами рассматривались не только метафоры в узком смысле, как-то:

а) субстантивные метафоры: *die Klippen der Wirklichkeit* (рифы действительности) (1, с. 20745), *ein Mühlstein am Halse des Landes Niedersachsen* (камень на шее федеральной земли Нижняя Саксония) (1, с. 19634), *die Mottenkiste* (ящик с молью) (1, с. 21581) и б) предикатные метафоры: *auf der Welle der Euphorie schwimmen* (плыть на волне эйфории) (1, с. 20745); *nach Strohhalmen greifen* (хватать-

ся за соломинку) (1, с. 21968), но и метонимические конструкции, сравнения, например:

Sie sind wie ein Fähnchen im Wind. – (Вы как флажок на ветру) (1, с. 21962)

Ihr startet als Tiger, ihr landet als Bettvorleger. – (Вы взлетаете как тигры, а приземляетесь ковриком у кровати.) (1, с. 21562)

Анализ высказываний депутатов бундестага в сигнификативном аспекте позволил выявить ряд понятийных областей, непосредственно связанных с реализацией вербальной агрессии в политическом дискурсе. Наиболее продуктивными оказались метафорические модели ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР, ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ, ПОЛИТИКА – ЭТО ДОРОГА, ПОЛИТИКА – ЭТО МЕХАНИЗМ и ПЕРСОНИФИКАЦИЯ. Здесь под метафорической моделью мы понимаем процедуру перехода от источника метафоры к цели данного процесса, то есть к новому метафорическому смыслу лексической единицы и наоборот [6].

Так, например, используя метафорическую модель ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР с характерным для нее сценическим тезаурусом, депутаты парламента дисквалифицируют выступления политических соперников, называя их “смесью мыльной оперы и низкопробной пьески”: *Was Sie hier bieten, ist wirklich eine Mischung aus Seifenoper und Schmierstück.* (1, с. 21569) и даже “трагедией”: *Ich finde es schon ein Trauerspiel, was die Regierung heute hier liefert* (1, с. 21962), при этом обвиняя “актеров”, то есть представителей конкурирующей партии: *ein altes Spiel nicht ganz neuer Akteure* (2, с. 653) в том, что они “устроили недостойный, постыдный и печальный спектакль в трех актах”: *Die Bündnisgrünen betreiben mit der heutigen Aktuellen Stunde ein unwürdiges Schauspiel* (1, с. 21819); *Das ist ein peinliches Schauspiel für die große Fraktion* (1, с. 20742); *Das, was Sie hier aufführen, ist ein trauriges Schauspiel in drei Akten* (2, с. 454). Выступление оппонента получает также презрительную номинацию “картонные кулисы”, что служит намеком на жалкий способ скрыть истину: *Jetzt wollen Sie aus einem Pressegespräch von Walter Riester eine Pappkulisse zaubern, hinter der sich die*

angeschlagene CDU/CSU und F.D.P. im Wahlkampf verbergen können (1, с. 21571), а результаты деятельности оппонентов дисквалифицируются как бесполезная шумиха, “бутафорский театральный гром”: Dennoch ist das, was Sie hier vorführen, nur Theaterdonner (2, с. 662).

Реалии, обозначаемые посредством вторичной номинации, могут персонифицироваться. Так, например, политическим соперникам передают привет “государственный интервенционизм, государственный дирижизм и идеология”: *Staatsinterventionismus, Staatsdirigismus und Ideologie lassen grüßen (1, с. 20740)*. Персонификация понятий, обозначающих функции авторитарного государства, агрессивно наступающего на демократические свободы, помогают оратору вызвать у слушателя отрицательное отношение к оппоненту как к стороннику такого строя. Приветов передают также “низкие инвестиционные квоты”: *Die extrem niedrige Investitionsquote in Niedersachsen lässt grüßen. (1, с. 19632)*; “государственные долги”: *Die Schuldenquote des Landes lässt grüßen... (1, с. 19632)* и, конечно же, предвыборная борьба: *Wahlkampf lässt grüßen (1, с. 21468)*.

Следует отметить метафорическую модель ПОЛИТИКА – ЭТО ДОРОГА. “Дорога” как символ направления политики обычно оказывается у оппонентов “не в ту сторону”: *Das Ergebnis Ihrer Politik ist ein Weg in die falsche Richtung (1, с. 19482)*, это “зигзаги”: *Sie sind einen Zickzackkurs gefahren (1, с. 21968)* или “завихрения”: *Deutschland darf nicht in die rotgrünen Turbulenzen kommen. (1, с. 20740)*, при этом политическая деятельность соперников дисквалифицируется как “езда против всяких правил”: *Wenn diese Geisterfahrt weitergeht, bewegt sich Deutschland in der Außen- und Sicherheitspolitik auf einem Sonderweg (2, с. 725)*. Иногда политические соперники обвиняются в том, что они вообще не знают, “куда, собственно говоря, едут”: *Sie wissen nicht, wohin die Reise eigentlich gehen soll (2, с. 782)*.

Источником отрицательных ассоциаций, способствующих разрушению имиджа оппонентов, служит также понятийная сфера СПОРТ. Политических

соперников обвиняют в том, что граждане стали мячом в их политической игре: *Die Patienten, die auf die soziale Krankenversicherung angewiesen sind, werden zum politischen Spielball Ihrer Politik. (1, с. 21962)*; а общественные учреждения они превратили в игровое поле: *Für diese Politik haben Sie gerade die Zahnarztpraxen zu einer Spielwiese für Ihre Privatisierungsexperimente auserkoren. (1, с. 21134)*, при этом соперники-неудачники сами себе забивают голы: *Kollegin Knoche, Sie haben hier wieder ein Selbsttor geschossen. (1, с. 21969)*; *Das war ein Eigentor! (1, с. 20742)*.

Используется также метафорическая модель ПОЛИТИКА – ЭТО МЕХАНИЗМ. Так, например, правительство сравнивается с кораблем, “потерпевшим крушение”: *Havarie im Kieler Kabinett! (2, с. 410)*, у которого “мотор на нуле”, а поэтому “останки корабля” дрейфуют без капитана и рулевого по воле волн: *...dass diese Regierung ähnlich wie das Wrack, das sich jetzt festgesetzt hat, eine Motorleistung Null hat. Sie ist sozusagen leckgeschlagen und dümpelt ohne Kapitän und Steuermann vor sich hin (2, с. 412)*. Политические деятели сравниваются с “газонокосилкой и бетономешалкой, которая все цементирует и утрамбовывает”, то есть не дает развиваться: *Riester ist der Rasenmäher und Dreßler ist die Betonmischmaschine, die alles zementiert und ausbaut (1, с. 21565)*. За что в ответ автор названных метафор получает ярлык “самая неудавшаяся конструкция, которую когда-либо выпускала фирма “Опель””: *Norbert Blüm, die größte Fehlkonstruktion, die Opel je verlassen hat! (1, с. 21565)*.

Наряду с этими моделями нами был выделен и ряд других. Так, например, обращаясь к понятийной сфере КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР, говорящий сравнивает политических соперников с преступниками, для которых политика – это лишь способ обокрасть граждан: *Ihre Politik ist der Weg in die Beutelschneiderei und in die Zweiklassenmedizin (1, с. 21134)*.

Для подрыва имиджа используется также лексика военной тематики по модели ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА. Так, чтобы подвергнуть насмешке

деятельность оппонентов, которые не только не достигли своей цели, но и сами себе навредили, используется метафорический образ снарядов, которые разрываются в стволе и поэтому “не являются боеспособными”: *Das ist ein Rohrkrepierer. Jedenfalls ist dies keine brauchbare Munition für eine Aktuelle Stunde* (1, с. 22089). Отмечено также высмеивание оппонента с помощью метафоры “новое чудо-оружие правительства”: *Eine neue Wunderwaffe der Regierung!* (1, с. 19638).

В понятную целевую сферу политики проецируются также свойства такого источника метафоризации как природа, исходя из модели ПОЛИТИКА – ЭТО ПРИРОДА. Образ тумана, дает, например, возможность говорящему прозрачно намекнуть на желание оппонента скрыть свои нечестные поступки: *Herr Riester hat zunächst ein Debakel ausgelöst. Darüber soll jetzt dicker Nebel gebreitet werden. Die Aktuelle Stunde soll diesen Nebel wegblasen und die Alarmglocken läuten lassen* (1, с. 21560). Медлительность в делах подчеркивается сравнением с улиткой: *Das Tempo einer Schnecke!* (2, с. 408). А образ пропасти используется с целью вызвать впечатление опасной несовместимости амбиций соперника и реального положения вещей: *Anspruch und Wirklichkeit klaffen bei Riester weit auseinander* (1, с. 2156).

Предпринятый анализ позволяет утверждать, что использование метафоры как непрямого средства реализации вербальной агрессии в парламентском дискурсе позволяет лаконично и ярко представить актуальную политическую ситуацию в глазах общественности, вызывая именно те ассоциации, которые необходимы для разрушения имиджа оппонента. При этом благодаря семантической двуплановости и диффузности метафор их значение не всегда может быть интерпретировано настолько однозначно, чтобы быть квалифицированным как клеветническое оскорбление, что повлекло бы за собой согласно Уставу бундестага соответствующие санкции со стороны президента пар-

ламента. Вместе с тем метафора усиливает влияние агрессивного высказывания на слушающего, апеллируя к его воображению и эмоциям. И, наконец, метафора свидетельствует о неординарности мышления говорящего, что повышает его авторитет в глазах аудитории.

Перспективой дальнейших исследований является изучение развития моделей агрессивной политической метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе под влиянием процессов глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
4. Баранов А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
5. Буйнова О.Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации / О.Ю. Буйнова // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. – Дубна : Феникс+, 2001. – С. 49–65.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Русский язык. Энциклопедия ; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М. : Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
8. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte / R. Bachem. – München : Oldenbourg, 1979. – 186 S.
9. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache / A. Burkhardt. – Tübingen : Niemeyer, 2003. – 608 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 13. Wahlperiode, Stenographische Berichte, Bd. 191-193, Bonn 1998, S. 19349 – 23176.
2. Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 14. Wahlperiode, Stenographische Berichte, Bd. 194, Bonn 1998, S. 1–1381.